

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Маргарита ПОЛЯКОВА

ГЕРЦОГ ВСЕЯ КУРЛЯНДИИ

Тебе дали шанс!

Маргарита Полякова
Герцог всея Курляндии
Серия «Фридрих Кетлер», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/19035388>

Герцог всея Курляндии: АСТ; Москва; 2016

ISBN 978-5-17-100699-0

Аннотация

<p>Маленькая страна, детское тело, далекое прошлое... неудачный расклад для попаданца. И то, что ты оказался сыном герцога, только усугубляет ситуацию. Слишком сильные соседи хотят поживиться за счет твоих земель, друзей в политике не существует, но однажды ты понимаешь, что окружающая тебя действительность довольно сильно отличается от того, что написано в учебнике истории. И теперь только от тебя зависит, воспользуешься ли ты представившимся шансом.</p>

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	34
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Маргарита Полякова

Герцог всея Курляндии

© Маргарита Полякова, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

*** * ***

Глава 1

На высоком потолке, украшенном позолотой, лепниной и росписью, резвились пухлые ангелочки. Дудели в витые трубы, осыпали друг друга лепестками цветов, купались в облаках и сжимали в маленьких кулачках стрелы. Нарядный потолок подпирали многочисленные колонны и полуколонны из мрамора. На стенах, затянутых тканью, красовались громоздкие картины в тяжелых вычурных рамах. За огромными окнами с частой сеткой переплета виднелась зелень. И небо.

Огромная кровать класса «траходром на десять человек» стояла прямо посреди всей этой роскоши. Украшенные золотой вышивкой атлас, шелк, кружево, куча больших и маленьких подушек, и я сам, охреневший от происходящего. Где я, хотелось бы знать? И какого черта я здесь делаю?

Нет, мне случалось просыпаться в незнакомых местах. И не помнить, что там было вчера. Но было это в далекие студенческие времена, и закончилось вместе с ними. Последние лет двадцать мои встречи с алкоголем ограничивались парой-тройкой рюмок, не больше. Под хорошую закуску, в приятной компании, и не так уж часто. Когда работаешь в не самом маленьком банке и возглавляешь отдел финансовой безопасности, трезвая голова – это жизненная необходимость. Даже в нерабочее время.

Да и кроме выпивки всегда есть варианты для расслабле-

ния. У меня было целых три. Спортзал, увлечение живописью и музыка. С тренажерами я старался встречаться ежедневно, холст пачкал под настроение, а музыка в душе жила всегда. Созданная по молодости лет рок-группа потеряла половину своих создателей, но продолжала изредка собираться и даже выступать в ночных клубах. Для оставшихся это было отдушиной, способом отдохнуть от рутины привычных дел.

Словом, мое пробуждение в неизвестном месте никак не могло быть следствием пьянки. Подозрительных грибочков я вчера тоже не ел. И совершенно не помнил, чтобы вообще выходил из дома. После развода моя жизнь стала до тошноты однообразной. Как обычно, я вернулся с работы, выпил чашку чая (ужинать не хотелось), прилег перед телевизором и, скорее всего, заснул. Такое случилось. Вот только просыпался я обычно в своей квартире, а не в музее.

Воистину королевское ложе, на котором я восседал, было отделено от остальной комнаты невысоким позолоченным заборчиком. На фига, интересно? Приостанавливать слишком прытких придворных, спешащих выразить почтение? Так их и противотанковые ежи не остановят.

Я потерял глаза, но окружающая обстановка не изменилась. Наборный паркетный пол, изящные стулья на витых ножках, низкий столик из красного дерева, инкрустированный драгоценными камнями, секретер с искусной резьбой, на котором красовались антикварные статуэтки... Не знаю, что сделают со мной музейщики, когда найдут посреди всей этой роско-

ши, но явно ничего хорошего. На старинную мебель даже дышать не рекомендовалось, а я, похоже, умудрился нагло выпасться на центральном экспонате.

Что делать? Ха! Можно подумать, у меня был большой выбор. Линять нужно отсюда, пока ветер без сучков. Может, еще обойдется. Ну а потом, когда приключение останется позади, будем думать, как я здесь оказался. И если это – шутка одного из моих друзей, мало им не покажется. Хотя вот так, навскидку, я не мог бы вспомнить среди своих знакомых ни одного дебилоида, способного на подобную хрень.

О том, что не все так просто, как мне казалось, я догадался, только сверзившись с постели на пол. Встреча с паркетом была болезненной, а в голове достаточно прояснилось для того, чтобы осознать, что двигаться мне помешало длинное одеяние, похожее на ночную сорочку. Шелк, кружево, искусная вышивка... это одеяние ничем не напоминало мои любимые пижамные штаны. Да и тельце, запутавшееся в данном балахоне, не походило на мое собственное. Слишком мелкими были руки и ноги.

Я подвигал конечностями. Они меня слушались. Почти на автомате я поднялся на ноги и, придерживая подол слишком длинной ночнушки, шагнул к одному из множества зеркал. И вот тут-то меня прошиб холодный пот. Это было не мое отражение! Даже если бы я внезапно помолодел до десяти лет (а старше пацан не выглядел), то все равно не был бы похож на этого растерянного задохлика.

Я протянул руку и коснулся холодного стекла. Отражение повторило мое движение. Похоже, каким-то образом я попал в детское тело. И кому оно принадлежало – совершенно неясно. Впрочем, в данный момент меня больше интересовало, что стало с моим собственным телом. Я сполз по стенке и обхватил голову руками. Семья, родственники, друзья... неужели я всего этого лишился?

Что будет с родителями – я даже представить себе боялся. Не знаю, как они такое переживут. На младшую сестру надежды никакой, она сама будет в истерике. Даже бывшая жена, скорее всего, расстроится. Расстались мы довольно неплохо, без скандалов и битья посуды, а ребенка я обеспечивал от и до. И надо же – теперь я сам сделался ровесником своего сына!

Не знаю, сколько бы я еще сидел на полу и упивался собственным горем, если бы не услышал шум. Судя по всему, сюда шли какие-то люди. Я быстро вернулся в постель, нырнул под одеяло и сделал вид, что сплю. Высокие белоснежные двойные двери, украшенные позолоченной резьбой, распахнулись, и в комнату вошло человек десять. В основном это были слуги – судя по одинаковым красным костюмам, лакейским повадкам и куче всякой дребедени, которую они с собой притащили.

Единственный, кто выделялся из толпы – важный старичок, похожий на растолстевшего ворона, одетый во все черное: тупоносые туфли с пряжками, чулки с черными лента-

ми, просторные штаны и камзол. Единственным белым пятном был широкий воротник, украшенный кружевом. Гм. Ну, можно предположить, что местные богатеи заставляют прислугу рядиться в одежды прошлых веков, но что-то мне подсказывает, что провалился я не только в другое место, но и в другое время. И, судя по нарядам, на дворе примерно семнадцатый, максимум восемнадцатый век. А исходя из того, что никого не напрягает мое присутствие в шикарной постели, нахожусь я здесь по праву.

Притворяться спящим было, конечно, проще, но вряд ли этим можно было заниматься бесконечно. И я изобразил процесс пробуждения. Потянулся, потер глаза и... буквально подскочил на постели из-за дикого грохота. Похоже, кто-то из слуг уронил поднос с посудой, но пялились собравшиеся не на неудачника, а почему-то на меня. Немая сцена. Гоголь. «Ревизор». Знать бы мне, во что я вляпался и что неправильно сделал!

Первым из ступора вышел мужик в черном. Он всплеснул своими короткими, толстыми ручками и налетел на меня, ощупывая со всех сторон. Я был в таком шоке, что даже не сопротивлялся. А из прочувствованного монолога (слова вылетали со скоростью автоматной очереди) выяснилось, что данный типус – доктор. Причем (если ему верить) гений, поскольку вернул к жизни безнадежного больного. Не понял... это меня, что ли?

Слуги тоже отмерли. Часть кинулась убирать мусор, а

часть исчезла из комнаты. Видимо, понесли весть о моем выздоровлении. Хотя я бы на их месте спешить не стал. Похоже, я попал в тело какого-то важного персонажа. Но вряд ли те, кто отвечает за жизнь этого пацана, порадуются обнаружившейся у него амнезии. Как я ни пытался сосредоточиться, память моего нынешнего тела так ко мне и не вернулась. И я понятия не имел, кто я теперь, где нахожусь и что мне со всем этим делать.

Единственное, что меня хоть как-то утешало – я понял речь доктора. Не знаю, на каком языке он разговаривал, но внутри меня как будто срабатывал переводчик, и я понимал смысл сказанного. Хоть что-то хорошее. Если бы я очнулся в чужом мире еще и без знания языка, дело было бы совсем кисло. Такое ни на какую амнезию не спишешь.

Двери в мою комнату снова распахнулись, но теперь толпа возжелавших меня навестить была намного больше и куда более богато одета. От блеска драгоценностей слепило глаза. Осматривавший меня доктор подскочил и согнулся в низком поклоне.

– Ваша светлость, как я и обещал, мне удалось вылечить вашего наследника, – не без гордости сообщил он.

Светлость... герцог, что ли? Ну, пусть будет герцог. Похоже, это отец моего нового тела. Изрядно поседевший, примерно 50-летний мужчина с бородкой-эспаньолкой и усами, как у Сальвадора Дали. Судя по тревоге в глазах, он явно волновался о здоровье своего ребенка.

– Мой мальчик! Я рад, что ты наконец очнулся. Как ты себя чувствуешь? – с волнением поинтересовался он, присаживаясь на постель.

– Наедине, – прошептал я. – Хочу поговорить наедине.

Герцог отстранился, пытливо на меня посмотрел и властноскомандовал:

– Все вон.

Толпа любопытных немедленно рассосалась.

– В чем дело, дитя мое? – поинтересовался он, как только мы остались вдвоем. – Что случилось?

– Я не помню, – вздохнул я и прикрыл ладонями лицо, чтобы не выдать случайной реакции. Актер из меня был тот еще, так что я решил изображать отчаяние, не пуская в ход мимику и лишние жесты.

– Что значит «не помню»? – вскинулся герцог.

– Ничего не помню. Ни кто я, ни где я. Даже имени своего не помню. Очнулся, а вокруг все словно чужое. Страшно.

Последнее даже играть не пришлось. Мне реально было не по себе. Мало того что я оказался неизвестно где, так еще и вселился в шкуру наследника герцогского рода! Если окружающие заподозрят неладное, мне конец. Блин, и почему тот, кто меня сюда закинул, вместе со знанием языка не дал воспоминаний? Насколько все было бы проще!

– Значит, ничего не помнишь, – нахмурился герцог. – Однако же догадался попросить поговорить со мной наедине.

– Так я же память потерял, а не разум. Кому и чего нуж-

но знать – решает глава семьи. А то слуги быстро разнесут сплетню, – передернул плечами я. – И дойдут ненужные слухи до того, кому их и вовсе знать не следует.

– Да еще и приврут, чтобы меня очернить, – кивнул мужчина. – Скажут, что сын умом скорбен и наследовать не вправе. А власть... она слабости не терпит.

Власть! Мне бы сейчас жизнь сохранить, это гораздо актуальнее! Ну и выяснить, где я нахожусь и кто я такой. А то даже своего нового имени не знаю. И к новоявленному родителю должным образом обратиться не могу. Попасть в местный вариант Бедлама как-то не хочется. А потому нужно будет врать в этот мир как можно быстрее.

– Скрыть твою потерю памяти будет трудно, – задумался герцог.

– Верный человек! – предложил я. – Пусть на первых порах рядом со мной будет верный человек. Он постепенно объяснит, что к чему. А остальным сказать, что болезнь моя не до конца отступила, и что говорить мне сложно.

– Каков! – гордо воскликнул мужчина. – Нет, род наш по-прежнему силен, раз даже несчастья ему на пользу идут. Ты все игрался, учиться не желал, а как рядом со смертью побывал, так и осознал, что значит жизнь наследника.

– Я буду стараться стать достойным нашего великого рода! И давая это обещание, я собирался его выполнить. Раз уж я оказался в чужом мире, нужно было как-то здесь устроиться. А у меня еще и неплохой трамплин оказался. На-

следник герцога! И, судя по обстановке, довольно богатого. Глупо будет этим не воспользоваться. Да, каким бы странным это ни казалось, нужно привыкать, что я не сорокалетний мужчина, а десятилетний пацан. И у меня теперь другая судьба и другие родители. А вся моя прошлая жизнь... лучше ее не вспоминать, чтобы не расстраиваться. Нужно приспособливаться к тому, что есть.

Доктор, которому было позволено вернуться и вновь меня осмотреть, запретил мне вставать с постели. По-видимому, хотел еще несколько дней наслаждаться славой человека, который успешно лечит наследника. Мне это было на руку. Несколько дней на то, чтобы освоиться в новом для себя мире, были просто необходимы. Ну и не составило особого труда изобразить, что мне больно разговаривать, результатом чего стал запрет на беседы.

В ответ на разглагольствования доктора мой желудок подал голос, и народ тут же озадачился вопросом, чем бы меня накормить. По ощущениям, я мог бы съесть слона. Но для организма обжорство могло оказаться не слишком полезным, так что я согласился на легкий куриный суп с гренками.

Правда, прежде чем еда добралась до меня, ее попробовало несколько человек. Блин! Так и мне ничего не достанется! До меня дошло всего полтарелки. Причем кормили меня с ложечки, как младенца. Дескать, пока еще слишком слаб.

Радовало, что верный человек, насчет которого мы с мо-

им новоявленным отцом договаривались, уже был рядом и намеревался остаться со мной в комнате. Отто честно служил герцогу уже больше двадцати лет, и теперь переходил ко мне по наследству. Он не должен был отходить от меня ни на шаг, пока я окончательно не поправлюсь. То есть, не начну чувствовать себя достаточно уверенно для того, чтобы действовать самостоятельно.

Выглядел Отто примерно лет на пятьдесят. Довольно крепкий, расторопный мужчина с умными серыми глазами. Он проследил за тем, как меня кормят, проводил слуг и высказал готовность «напомнить наследнику обо всем, о чем он только пожелает». Я даже завис, соображая, какой вопрос задать первым. Отто расценил это как нерешительность и призвал меня не стесняться. Дескать, кто, как не старый слуга, может помочь в столь деликатном деле?

В результате долгой, обстоятельной беседы выяснилось, что зовут меня Фридрих Казимир, что мне действительно десять лет, а на дворе стоит 1660-й год от Рождества Христова. Нахожусь же я в славном городе Гробине, в герцогстве Курляндском. А мой новоявленный отец – не кто иной, как Якоб Кетлер. Тот самый. Как при этом известии моя челюсть не встретилась с паркетным полом – понятия не имею.

Что я знал о Курляндии? Да не сказать, чтобы очень много. Хотя о Якобе Кетлере, конечно же, слышал. Как об успешном правителе. Отец моего нынешнего тела был поистине гениальным руководителем, который умудрился бук-

важно из ничего создать богатую и процветающую страну.

Моя мать, Луиза Шарлотта Бранденбургская, в настоящий момент находилась в Берлине, куда отправилась в связи с делом наследства недавно умершей матери. А Курляндия, в которой меня угораздило оказаться, действительно была богатой и успешной страной. Но именно «была», поскольку после недавней войны находилась в том самом месте, которое даже буквой «ж» обозначить язык не поворачивается.

Помнится, в старом советском фильме «Стакан воды» герой Лаврова говорит, что «если большое государство хочет завоевать маленькое, к этому нет никаких препятствий. Но если другое крупное государство хочет сделать то же самое, то у маленького государства появляется шанс на спасение. Большие державы сделают все, чтобы помешать друг другу». Похоже, Якоб Кетлер думал так же, выбрав тактику нейтралитета. И неплохо на этом нажился во время русско-польской войны, продавая припасы и той и другой стороне.

Но подобное положение дел продолжалось недолго. Шведы просто не могли пройти мимо богатой, но плохо защищенной страны. И никакие прежние договоры не помогли. Якоб оказался в плену, а герцогство безжалостно разграбили. Шведы так свирепствовали, что против них поднялись даже местные крестьяне.

Когда герцог, которому вернули его владения по Оливскому миру, увидел, насколько разорена Курляндия, он резко

поседел и серьезно сдал. Даже замок в столице, Митаве, был разрушен. Ни оружия, ни продовольствия там не было, и вернуться туда герцог не смог. Словом, все было печально. И многие на месте Якоба Кетлера опустили бы руки. Однако герцог намеревался вернуть богатство и процветание своей стране. Даже если придется начинать практически «с нуля».

Но если моим отцом (а я пытался привыкнуть к мысли, что герцог мой отец) Отто искренне восхищался, то моя мать не вызывала у него теплых чувств. И он завуалированно попросил меня не говорить ей о том, что я потерял память. Дескать, нечего расстраивать герцогиню. Она натура утонченная, впечатлительная. Короче, если я правильно понял намек, язык за зубами держать не умеет.

Однако больше всего меня удивило количество близких родственников. Оказывается, я был вовсе не единственным ребенком в семье. У меня была старшая сестра Луиза Елизавета 14 лет и пятеро младших братьев и сестер. Шарлотта-Мария 9 лет, Амалия 7 лет, Карл Якоб 6 лет, Фердинанд 5 лет и двухлетний Александр. А еще двое умерли в раннем младенчестве. Мда. В семнадцатом веке королевские семьи, похоже, по количеству детей мало отличались от крестьянских.

Ну, Кетлерам, по крайней мере, не нужно задумываться о том, как прокормить семью. Отто с гордостью сообщил, что у Курляндии даже колонии есть. Это да. Это они мощно загнули. Но, худо-бедно зная историю, я бы не был столь оп-

тимистичен. Если Тобаго Якобу вернули, то колония на Гамбии для него однозначно потеряна. Насколько я помню, ее сначала прихватилизировала амстердамская голландско-вестиндская компания, а потом еще и англы влезли. Ну, а что лаймам в руки попало, то пропало. Хрен вернешь.

Да и от последствий войны Курляндия долго восстанавливаться будет. Заводы и фабрики стоят, ценные и знающие работники (особенно иностранцы) разбежались или погибли, флот уничтожен, а торговля приостановлена. Я бы сказал, что вернуть страну на прежний уровень – это безнадежное дело. Особенно учитывая количество вывезенных ценностей. Но когда я вспоминаю, из каких руин был восстановлен Сталинград... Понимаю, что дело в решимости. И если не опускать руки, то можно многое сделать.

Хм... может, поэтому меня сюда и забросили? Но почему именно в Курляндию? Это ж насмешка какая-то, а не страна. Прокладка между Швецией и Речью Посполитой. Причем еще и польский вассал. Все нормальные попаданцы если и оказываются на троне, то на российском. Причем знания по истории (а то и ноутбук со всей возможной информацией) прилагались. Если б у меня был выбор, разве я выбрал бы зависимую от Польши страну? Поляки между собой-то разобратся никак не могут. И свой шанс стать империей они про... прополимерили, в общем.

Хотя выбор у Курляндии, прямо скажем, был небольшой. В целях безопасности маленькая страна всегда ищет покро-

вительства более сильных. А на кого Якобу менять Польшу? На Швецию? Ага. Еще пару раз ограбить Курляндию за ними не заржавеет. И выгрести все взрослое мужское население для ведения многочисленных войн тоже. Шведы же постоянно с кем-нибудь воевали. Только с Россией, по официальным источникам, 700 лет – с XII века по начала XIX. Влезать в эти разборки? Поищите дураков в другом месте.

Англия? Ну, Якоб пытался с ними договориться, причем не раз. И до сих пор переговоры ведет. Но там сейчас и своих проблем выше крыши, там у них реставрация монархии полным ходом идет. Да и вообще, как известно, у Британии нет постоянных союзников, есть только постоянные интересы.

Франция? Людовик только в следующем году избавится от диктата Мазарини и решит править самостоятельно. Но у короля-солнце амбиций и самомнения больше, чем его самого. Россия? Алексей Михайлович – фигура интересная. Но Польша своего вассала просто так не отдаст. Хотя я бы на месте герцога подумал в этом направлении. По-моему, Алексей Михайлович – единственный, кто ни разу не нарушил подписанных соглашений.

Впрочем, мои знания по истории оставляют желать лучшего. Да и реальность может серьезно отличаться от того, что писали в учебниках и научных трудах. Ну и потом... Даже если я прав и трезво оцениваю окружающий мир, в ближайшее время я все равно ничего сделать не смогу. Даже повлиять на своего отца. Для него я – малолетний оболтус, ко-

торому игры важнее учебы. И мнение о себе нужно менять, а это дело не быстрое.

В принципе, можно сделать вид, что болезнь на меня серьезно повлияла, и я взялся за ум. Что доступно ребенку моего возраста? Учиться и тренироваться. Вот этим я и займусь. Жизнь герцога, особенно стоящего во главе успешного государства, не так уж безоблачна, и умение себя защищать лишним не будет. Ну а править страной, не желая учиться, это вообще не вариант.

Помнится, Отто хвалился, что герцог в 12 лет поступил в Ростокский университет, а потом еще и Лейпцигский закончил. Почему не повторить этот подвиг? Мне, собственно, языки подтянуть, правописание и богословие. А уж с местной физикой-математикой я справлюсь. Не зря же вуз на финансово-экономическом с красным дипломом окончил.

Кстати, неплохо бы проверить, какие навыки есть у доставшегося мне тела. Ну, то, что его спортом не утруждали – это понятно. А смогу ли я заниматься живописью и музыкой? Жаль будет, если Фридриху медведь на ухо наступил. И руки не тем концом вставлены. Мозги нельзя постоянно держать в напряжении, им нужен отдых. И смена деятельности – лучшее решение. Иногда, когда я перебирал струны или пачкал очередной холст, мне в голову сами собой приходили решения сложных проблем, над которыми я безуспешно бился много времени.

Ладно, я в этом мире меньше суток, а уже начал задумы-

ваться о глобальных вещах. Неизвестно, что завтра-то будет. Прежде всего, мне нужно вписаться в этот мир. Сначала Отто расскажет мне самое необходимое, а потом и учителей можно потихоньку приглашать. Посмотрим, какое образование дают сыну герцога. Пока Якоб был в плену, дела с этим обстояли не очень, так что у меня даже будет причина некоторого падения успеваемости. Мало ли что может забыть ребенок из лености и от стресса? А тут еще и болезнь навалилась! Словом, потребуем для начала прочесть несколько лекций с целью повторения пройденного, а там видно будет.

Кстати, зря я грешил на неведомые силы, закинувшие меня в тело ребенка. Память они отняли частично. Жизнь Фридриха я не помню совершенно, а вот навыки письма и чтения остались. На уровне десятилетнего ребенка, который не слишком-то стремился к учебе. Это было почти первым, что мы с Отто решили проверить.

Несмотря на то, что врач не велел мне покидать постели, я не собирался валяться бревном. Это тупо было скучно. С зарядкой я, пожалуй, погожу. Хотя бы до тех пор, пока твердо не встану на ноги (перенапрягать организм после болезни – это не самая здравая идея). А вот с чистописанием тормозить не стоит. Будем тренировать руку. И наверняка в Курляндии должны быть какие-нибудь учебники! Якоб во всех городах городские школы создал. Кое-где даже девочек обучали. Не могла же такая система работать без каких-нибудь учебных пособий, пусть даже примитивных!

Я готов был погрузиться в учебу прямо сейчас, слишком уж мне было любопытно оценить свои реальные знания и их соответствие данной эпохе. Однако мой организм думал по-другому. И прочтение всего лишь десятка листов печатного текста привело к резкой головной боли. Дальше я рисковать не стал. В конце концов, самой главной задачей было встать на ноги и окончательно выздороветь. А вписаться в новый мир я смогу постепенно. Главное – не отмочить чего-нибудь совсем уж несусветного. Надеюсь, Отто поможет.

Приставленный слуга отнесся к поставленной перед ним задаче со всей серьезностью. И первым делом мы ликвидировали мое невежество в вопросах богословия. Содержание Библии я примерно знал (спасибо прочитанному в молодости Лео Таксилю), а основные молитвы легко выучил. Ну а поскольку особой религиозностью я никогда не отличался, переквалифицироваться из православных в лютеране было несложно.

Гораздо больше проблем возникло с тем, чтобы помыться. Европейцы к этому делу относились как-то... наплевательски. В результате даже от прекрасных дам запашок был... тот еще. И вылитые сверху флаконы духов только ухудшали ситуацию. Мне пришлось приложить немислимые усилия, чтобы каждое утро получать тазик с теплой водой. И то под постоянные причитания врача о том, что я, дескать, смываю с себя «естественную защиту». Пришлось врать, что это я обет такой дал, чтобы выздороветь.

Выздоровливал я, кстати, медленно. Организм мне дохленький достался. Быстро уставал. Порой накатывала такая слабость, что я еле-еле мог сидеть, но постепенно эти приступы сошли на нет. А я к этому времени изучил всех придворных и улучшил навыки чтения с письмом. Фридрих, похоже, вообще редко книги открывал. Да и писал, как курица лапой. А я дико скучал, валяясь в постели, а потому читал все подряд. Ну и конспектировал то, что мне казалось важным.

Отец навещал меня практически ежедневно и радовался моим успехам. Правда, уговорить его разрешить мне прогулку на свежем воздухе удалось далеко не сразу. Да и когда позволение было получено, в парк я отправился не на своих двоих, а в паланкине. Но воздух там был пьянящий! Ну и посмотреть было на что. Огромные клумбы с геометрическим рисунком цветов, фигурно стриженные кусты, фонтан и множество мраморных статуй. До парковых комплексов Питера не дотягивало, конечно, но все равно впечатляло. Все-таки одно дело – туристическая прогулка по Петергофу или Пушкину, и совсем другое – жить в такой красоте.

Мое упрямство принесло свои плоды – прогулки перестали меня утомлять, а учителя закончили лекции-повторения и перешли к новому материалу. Самыми геморройными оказались мифы Древней Греции и Древнего мира. В свое время в школе я их читал из интереса, как сказки. А сейчас мне необходимо было выучить наизусть родственные связи богов

и героев, а также все их деяния, поскольку без их упоминания не обходилась ни устная, ни письменная речь.

На мой взгляд, выглядело это нелепо, но мода есть мода. Ничего не поделаешь. И я учился писать как деловые, так и галантные письма. В кругу знатных господ не владеть «изящной речью» было просто невыносимо. Такого человека никогда бы не приняли «в обществе». По-моему, в XVII веке все просто помешались на писательстве. Особо удачную переписку даже публиковали, а мемуары после себя оставлял буквально каждый первый, умеющий держать в руках перо.

Из-за перегруженности метафорами и нарочитой выспренности слога и писать, и читать местную писанину было довольно сложно. Мало того что в литературе царил мифология, так еще и пафоса с нравоучениями хватало. Жаль, но Мольер еще не написал своих лучших комедий! А корнелевскую трагедию «Сид» я уже почти наизусть выучил. На общем фоне, пожалуй, радовал только Поль Скаррон, который довольно зло обстебал всяких чувствительных рыцарей и селадонов. И читался он лучше, чем оба Скюдери. Роман про Великого Кира я даже две сотни страниц не осилил.

Идея трагического умирания от великой любви не нашла отклика в моем черством сердце. Никогда в жизни не понимал мужиков, которые, вместо того чтобы добиваться поставленной цели, распускают сопли и слюни и жалуются, какие они несчастные. Мда. Угораздило же меня попасть в эпоху, когда суровых воинов сменили метросексуалы. Между

прочим, танцы и изящные манеры входили в перечень изучаемых мною предметов. Но вот уж хрен им поперек морды, балеты я танцевать не буду!

В конце концов, тренировать тело можно было другими способами. Фридриха, например, обучали верховой езде, но в седле он держался не слишком уверенно. А я собирался напроситься с герцогом попутешествовать по Курляндии. Отец планировал заняться восстановлением страны, и мне хотелось при этом присутствовать. Оценить фронт работ, посмотреть, как он договаривается с людьми, и поучиться управлять страной. Пусть даже маленькой.

Подтягивания, отжимания и качание пресса тоже вошли в список тренировок. А еще Отто предоставил мне пошитый из парусины мешок, набитый пшеном, – на нем я отрабатывал удары. Разумеется, нагрузки я выбрал соответствующие моему нынешнему дохлomu, ни разу не тренированному тельцу, но с чего-то нужно было начинать.

Ну а фехтование вписалось само собой. Владеть шпагой для дворянина было так же естественно, как дышать. У меня пока была подростковая, облегченная версия оружия, но для отработки техники это был идеальный вариант, а на данном этапе на большее я и не замахивался. Стойки, удары, защита, тренировка выносливости и дыхалки... тренер делал скидку на мой возраст и болезненный организм, но я все равно выматывался. Каждый выпад и поворот отрабатывались до автоматизма.

Еще одной тренировкой (но уже силы воли) стали посещения церкви. Мне всегда казалось, что храм нужно посещать по велению души, поэтому обязательство серьезно напрягало. А процесс исповеди каждый раз заставлял нервничать. Между прочим, большинство лютеран признавало в качестве таинств только крещение и причастие. Но мне, как всегда, «повезло» нарваться на верующих другого толка. И, беседуя со священником, я постоянно дергался.

Не потому, что я сильно грешил (да чего там вообще может нагрешить десятилетний пацан?), а из-за боязни проколоться. Больно уж глазки у моего исповедника были... цепкие. Как у соседа из прошлой жизни, который, вспоминая о службе, не забывал повторять, что бывших КГБ-шников не бывает.

У моего препода по изящным манерам, кстати, тоже был нехороший взгляд. И когда я познакомился с ним получше, у меня возник только один вопрос – неужели у герцога Кетлера нет внутренней разведки? А если есть – куда она смотрит? Месье Поль был явным французским агентом влияния, и я даже не сказал бы, что он это сильно скрывал. Напротив. Постоянно возвеличивал свою страну, как образчик моды и культуры.

Ну ладно я, у меня прививка от «общечеловеческих ценностей», полученная в «лихих 90-х». Но пацан-то реально мог повестись! И считать Францию образцом, под который нужно строить свою страну. А там скоро еще и Людовик XVI

развернется во всю мощь. Вполне себе яркий пример того, как нужно «правильно жить». Блеск, шик, пускание пыли в глаза... а с революциями пусть потомки разбираются.

Ну да, если верить официальной истории, то Курляндия и кончилась вместе с Якобом Кетлером. Сынок пустил наследие по ветру. С размахом. Дальше уже было не существование, а так, трепыхание, и дело закончилось Курляндской губернией в составе России. Был ли Фридрих тем самым долбодятлом, который пролюбил страну? Или он помер от болезни? Какая разница! После моего попадания история все равно уже не будет прежней.

Якоб Кетлер

– Так, значит, старается, говоришь.

Герцог задумчиво отставил в сторону трость, удобно устроился в кресле и позвонил в колокольчик. Расторопные слуги тут же принесли вино и легкие закуски. Якоб отослал лакеев небрежным жестом. Отто сам мог поухаживать за своим хозяином. А посторонним незачем было знать, о чем идет разговор.

– Так и есть, ваша светлость. Наследник взялся за учебу, и учителя его хвалят. Пожалуй, кроме учителя изящных манер. Тот жалуется, что мальчику недостает утонченности.

– А ты сам что скажешь, Отто?

– Да простит меня Господь, но болезнь наследнику на пользу пошла. Видно, испугался он у самой кромки стоять.

Решил, что это его Всевышний покарал за небрежение своими обязанностями.

– Ну, глупостей он стал делать меньше, – кивнул герцог, отпив из высокого бокала несколько глотков превосходного испанского вина. – И то, что Фридрих старается, я вижу. Наконец-то он стал проявлять интерес к делам. Даже выразил желание меня сопровождать в поездке по стране. Говорит, что хочет понять, что значит быть герцогом.

– Он сильно изменился.

– На пороге смерти многие меняются. Что Фридриху дается хуже всего?

– Богословие, пожалуй. Текст Библии он знает, а веры истинной в нем я не чувствую. Не любит он и сочинения отцов Церкви читать. Как и сказания греческие и римские. Говорит, что и без пышных сравнений можно так письмо написать, что все плакать будут.

– Я и сам не люблю излишней пышности, – вздохнул герцог. – Но письма писать следует так, как принято.

– Языки тоже пока не слишком хорошо даются наследнику, но здесь он проявляет истинное упорство. А вот с цифрами ладит великолепно. Лучше прежнего. И читает много. Декарта по нескольку раз перечитывал.

– Ну да. И труд Галилея под подушкой держит, – хмыкнул Якоб. – Ты хоть объяснил ему, что эта книга у католиков внесена в индекс запрещенных? Да и наш пастор относится к данному сочинению... с предубеждением.

– Наследник это понимает, и читает Галилея, только оставшись в одиночестве.

– Хорошо, что у Фридриха есть и другие интересы. Мне не нравилось, когда мой сын играл, не желая учиться. Но и делать из наследника книжного червя я тоже не хочу.

– Он с удовольствием занимается фехтованием, верховой ездой и силовыми упражнениями, – доложил Отто.

– А зачем он по мешку бьет? Дворянин сражается только на шпагах.

– Говорит, что так он увеличивает силу рук и ног. Дескать, это на дуэли правила соблюдаются. А в реальном бою могут и эфесом по зубам заехать, и со спины напасть. А вовремя пнуть подвернувшуюся под ноги бочку или скамью, создавая дополнительное препятствие для врага – выиграть время, а возможно, и бой.

– Ну, пусть играет, – вздохнул герцог, подав знак, что ему нужно долить вина. – С возрастом у него появятся другие забавы. Главное, чтобы интерес к учебе не пропал. Я приложил много сил, чтобы сделать Курляндию богатой страной. Видеть ее в разорении... тяжело. Однако если я буду знать, что наследник готов продолжить мое дело, это придаст мне сил.

– Ваш сын хочет учиться в университете, он желает быть похожим на вас, ваша светлость.

– Когда я учился, то еще не был наследником. Я не хочу рисковать своим сыном. Образование можно и дома по-

лучить. Лучших учителей я найму. Господь милостив, Фридрих быстро восстанавливается после болезни.

– Его память ведет себя странно. Многое наследник прекрасно помнит и знает или легко наверстывает. Сейчас он читает, пишет и считает даже лучше, чем до болезни, – заметил Отто. – А вот людей он совершенно не помнит. Изящную словесность напрочь забыл, как и нотную грамоту. Правда, учитель говорит, что его талант к музыке усилился.

– Снисходительное определение, – фыркнул герцог. – При всей моей любви к Фридриху, музыкального дара у него никакого не было. И это видели все, кроме моей супруги, которая продолжала терзать его уроками. А теперь все изменилось. По просьбе сына я велел приобрести лучшую из испанских гитар. А слушать, как он играет на органе, собирается множество народа.

– Когда ваш сын впервые после болезни посетил церковь, он выразил восхищение звучанием органа. И довольно быстро научился на нем играть, хотя было очевидно, что никогда ранее к подобному инструменту не прикасался.

– И он не только играет, но и сам сочиняет музыку. Довольно необычную, нужно сказать, – вздохнул герцог. – Меня немного пугают его умения. Слишком талантливые люди долго не живут. А Фридрих, кроме музыки, еще и к живописи пристрастился. Он и до этого недурно рисовал, но теперь его картины... изменились.

– Учитель жалуется, что наследник не хочет изображать

греческих и римских богов, и вообще не любит аллегорические сюжеты, – осторожно заметил Отто.

– И как Фридрих объясняет такую вольность? – удивился герцог.

– Говорит, что не хочет следовать моде. Дескать, пусть безродные художники, которые зарабатывают себе на хлеб всякой мазней, угождают вкусам толпы. А он достаточно богат и знатен, чтобы рисовать так, как ему хочется. Тем более что рисует он для себя, а не на продажу.

– В его словах есть резон, – надменно вскинул голову Якоб – Да и моей дочери, Луизе Елизавете, нарисованный Фридрихом портрет понравился больше, чем официальный. Она даже хочет, чтобы именно с него миниатюры писали, которые потенциальным женихам будут рассылать. Знаешь что, Отто, а добавим-ка мы сыну еще несколько учителей. Пусть военное дело постигает и учится читать звездное небо.

Фридрих Кетлер

Спасибо товарищу Якобу за наше счастливое детство! Нет, я, конечно, сам рвался учиться, но нагрузили меня, по моему, чересчур. Фортификация, навигация, механика, астрономия, военная тактика и стратегия... Последнее, правда, было довольно занятным, поскольку преподавалось в развлекательной форме. Со мной играли в солдатики. Если бы мне в детстве подарили такой набор, я бы умер от счастья, и первых дней несколько носа на улицу не показывал.

Солдатики были коллекционные. Каждая фигурка сантиметров двадцать высотой, мундир тщательно прорисован, а руки и ноги сделаны на шарнирах. К фигуркам прилагался макет крепости (он занял почти половину очень немаленькой игровой комнаты) и стреляющие горохом пушки. А какая шикарная была конница! Несмотря на то что интеллектуально я уже давно не являлся ребенком, устоять и не опробовать такую прелесть оказалось выше моих сил. К сожалению, полководец из меня получился... далекий от идеала.

На отдых времени оставалось мало, но я обязательно выделял хотя бы пару часов, чтобы позаниматься музыкой и живописью. Мои навыки в этих сферах произвели неожиданный фурор. А я и не сделал ничего особенного. Просто написал портрет своей старшей сестры. Не такой тошнотворно-пафосный, как здесь принято, а более близкий к реальности. На траве, среди цветов, с распущенными волосами, в которых запуталось солнце, и теплой улыбкой. Польстил, конечно, не без этого, и Луиза Елизавета пришла в дикий восторг. И повесила портрет на самом видном месте.

Ну а без музыки я вообще жить не мог. Правда, местные гитары не устраивали мой взыскательный вкус, и отец пообещал выписать инструмент из Испании. Хорошо все-таки родиться в обеспеченной семье! Кому бы не понравилась жизнь ребенка, который может все себе позволить. Кого-нибудь другого никогда бы до того же органа не допустили, а меня – пожалуйста. У меня, кстати, органная музыка всегда

ассоциировалась с католиками, но оказалось, что лютеране тоже ее используют, как и хоровое пение.

Орган был велик, стар и мощен. Я «поплыл» при первых же его звуках, и у меня аж руки зачесались, как захотелось прикоснуться к данному великолепию. И когда я понял, что между мной и мечтой стоит всего лишь нотная грамота (не очень-то похожая на знакомую мне), я приложил максимум усилий, чтобы ее выучить.

А потом был Бах. Я, наглый плагиатор, присвоил себе все, что только смог вспомнить. Что-то мне подсказывало, что Высоцкого в этих краях не поймут, так что я выбрал классику. Благо в прошлой жизни матушка пыталась меня затащить в музыкальную школу. И я почти два года там вытерпел. Однако футбол и дворовые забавы предсказуемо оказались более привлекательными, что вылилось в подростковый бунт. Результатом стало пианино, пылившееся в углу, и отвлечение к музыке лет до пятнадцати. Когда я освоил свои первые три блатных аккорда. А за пианино я усаживался играть исключительно в подпитии, желая очаровать своих студенческих подружек.

Однако опыт не пропьешь! Пусть я вспомнил нужные мелодии не сразу, но зато успех имел колоссальный. Сначала мои концерты слушал только местный отец Горанфло (пусть пастор, а не монах, но такой же толстый пьяница и обжора), следивший, чтобы я не поломал ценный инструмент. А потом, когда у меня начало получаться, к нему присоединились

любопытствующие придворные.

Отец ажиотажу не поддался. Он вообще довольно прохладно относился к творческим личностям. Как развлечение для знатного дворянина еще воспринимал, но не больше. Гораздо больше герцога радовали мои успехи в военном деле. Он заказывал самое передовое оружие, чтобы я имел о нем представление, а у меня начала появляться идея о собственной армии.

Глава 2

Вписаться в новый мир оказалось очень непросто. В высшем свете существовало столько условностей и мелочей, что запомнить их все было очень проблематично. Язык тайных знаков и особых фраз вгонял меня в тоску. Изящная словесность вообще убивала. Ну и вишенка на торте – дипломатический этикет, от которого хотелось застрелиться и отравиться одновременно. Регламентировался даже угол наклона головы и количество слов.

Свободного времени оставалось немного, а планов у меня было громадье. Мысль о собственных солдатах, которые будут мне верны, не отпускала ни на минуту. Петя Первый со своими потешными полками на трон шагнул. А я хоть и не собирался смещать отца, но чувствовал настоятельную потребность в защите.

К тому же собственной армии как таковой у Курляндии не было. Так, нечто с бору по сосенке. Типа, мы польский вассал, и если что, заграница нам поможет. Ага. Как же. Тот Речь Посполитая кинулась защищать своего подопечного в недавней войне. Страна буквально лежит в руинах. И на фиг нужен такой сюзерен? Отказаться в ближайшее время от него не получится, но и надеяться на него не стоит. Спасение утопающих – дело рук самих утопающих.

Как я понял из объяснений моих наставников, по ленно-

му договору Курляндское рыцарство обязано было предоставить королю 300 всадников и 100 рейтаров от герцога лично. А во время войны из каждых ста дворов призывали 12 легких всадников. Причем курляндская армия принимала участие почти во всех войнах Речи Посполитой.

В среднем в распоряжении отца в его владениях на постоянной службе было 500–600 гвардейцев. Реальные силы Якоба были гораздо серьезнее, но по практике того времени герцоги давали своих солдат в аренду другим монархам, что составляло серьезный доход в казну – Курляндские полки не были дислоцированы в самой Курляндии, но принимали активное участие в европейских войнах (например, в голландско-французских).

Надо отдать отцу должное, случившаяся война и пребывание в плену произвели на него сильное впечатление, и он увеличил свою гвардию до тысячи человек. Для маленькой страны это была вполне приличная цифра, но, как вы понимаете, это вряд ли могло бы спасти Курляндию в случае очередной глобальной войны.

В общем-то, и я, мечтая об армии, представлял себе мобильное соединение, способное нарушить коммуникации врага, лишить его обозов и действовать партизанскими методами. Сражение лоб в лоб с любой из европейских армий Курляндия однозначно не потянет. И если мое стремление окружить себя верными людьми герцог еще поймет, то мои эксперименты покажутся ему как минимум сомнительными.

Издеваться над имеющимися солдатами мне никто не позволит.

Есть ли из этой ситуации выход? Пожалуй. После войны в стране наверняка полно беспризорных пацанов. Так почему бы не из них начать формировать преданную мне армию? Тем более что в Курляндии имеется целая сеть школ, пусть и покоцанная войной, но не уничтоженная. Все не «с нуля» начинать. Учебный процесс уже отработан, в него нужно только вписать больше физических упражнений и занятие военным делом.

Правильно воспитанные пацаны всегда будут помнить, кто забрал их с улицы и не дал им сдохнуть. А я обкатаю на них свои идеи по модернизации оружия и военного дела. Ну а потом, если все будет получаться, постепенно небольшой отряд превратится в личную армию. И это будет уже совсем другая история.

Однако прежде чем приступать к столь амбициозному проекту и пускаться в прогрессорство, нужно было подстелить соломки. То есть как-то залегендировать свои знания. Это талант в музыке и живописи был нормально воспринят. А если я неожиданно заделаюсь изобретателем, могут и вопросы возникнуть. Так что лучше прикрыться громким именем какого-нибудь ученого. И ему хорошо – слава воспитателя будущего герцога Курляндского дорогого стоит, и мне польза – всем станет понятно, откуда я такой умный взялся.

Хотелось бы, конечно, человека с громким именем. Но не

каждый сорвется от налаженного быта и признания в чужую страну. Я-то первым делом о Паскале подумал, но он уже стар. И болен настолько, что не смог встретиться с Пьером Ферма. Да и пастор может не одобрить данную кандидатуру, помня его увлечение янсенизмом.

Мда. Кто слишком стар, а кто совсем «зеленый» еще. Лейбницу всего четырнадцать, а Ньютон только-только готов переступить порог Тринити-колледжа Кембриджского университета. Может, Николаса Меркатора сманить попробовать? Он вроде бы скоро в Лондон должен сорваться, так может, лучше к нам?

А еще лучше будет, если получится увести из-под носа Кольбера Христиана Гюйгенса. С Голландией у нас прекрасные отношения. А мне такой препод не помешал бы. Конечно, если Гюйгенса все равно пригласят в Парижскую академию наук, да еще и с перспективой стать ее президентом, от такой морковки он не откажется. Но я успею урвать нужных знаний и сделать себе имя.

Ох, возраст мой, возраст! С одной стороны, мелким быть хорошо. Прощаются некоторые косяки, соразмеряются требования и есть время и возможность потихоньку всему научиться. С другой стороны... Меня никто не воспринимает всерьез! Умиляются, сюсюкают, иногда гордятся моей разумностью, но совершенно со мной не считаются.

– Может, охотой побалуется? – неожиданно предложил Отто. – А то чересчур уж учебной увлеклись.

– Какая охота? Мне и так ни на что времени не хватает!
– вздохнул я. Одновременно пробивать у отца военный отряд пацанов, известного ученого в качестве преподавателя и разрешение сопровождать герцога в его поездке по стране оказалось невероятно сложно.

– Может, отказаться от некоторых уроков? – посочувствовал Отто.

– От изящной словесности, например, – хмыкнул я. – Да хоть сейчас! Но кто же позволит-то? А это единственный не слишком полезный предмет. Если страна сильна, то кому какая разница, красиво ли говорит ее правитель?

– Месье Поль – единственный учитель, не слишком довольный вашим усердием, – заметил Отто.

– Да потому что я не вижу смысла в его уроках! Понимаю, женщинам нужно быть утонченными. Прекрасный пол силен своей слабостью. Это им присуща изысканность, велеречивость и манерность. А мужчина должен быть воином! Хотя, конечно, к будущему правителю требований больше. Он должен разбираться и в дипломатии, и в финансах. Но закатывать глаза и голосом умирающего читать занудные стихи?

– Кое-кто считает занудным читать сочинения Дезарга. И уж тем более вступать с ним в переписку.

Что тут можно сказать? Я просто не смог упустить свой шанс. Старичку недолго осталось. С обычным ребенком он общаться не стал бы, а ответить на вопросы наследника герцога ему приятно. Тем более я знал, какие именно вопро-

сы следует задавать. Ну и Декарт, конечно, оказался не единственным объектом моего интереса. Я завязал переписку и с другими знаменитостями. Блин, ну не мог же я пройти мимо Паскаля и Ферма! Имидж человека, увлеченного наукой, мне еще пригодится.

Между прочим, именно завязавшаяся переписка помогла мне осуществить один из пунктов моего плана. Своим рвением я впечатлил отца, и он послал-таки Христиану Гюйгенсу приглашение стать моим наставником. Голландец согласился, и вскоре должен был прибыть. Единственная сложность, которая возникла при переговорах – ученый не любил бывать в «свете» и редко там появлялся, хотя его происхождение открывало ему двери всех дворцов.

Из-за происхождения, между прочим, возникла и еще одна проблема – должность учителя такому человеку предлагать было глупо. Отец пообещал Гюйгенсу всяческую помощь в его исследованиях, а наставничество шло дополнительно. Дескать, наследник любопытен, и герцог будет благодарен ученому, который наставит сына на путь истинный.

Ну да, жду не дождусь. Знания мне нужны. А еще один воспитатель – нет. Тут и так за каждый свободный вздох бороться приходится. Куча условностей, которые нужно соблюдать, бесила донельзя. К счастью, мне удалось избавиться от части из них. Все-таки мой отец не был похож на обычного правителя, он мыслил шире и позволял мне некоторые вольности.

Первым пунктом стала оптимизация одежды. Кружева, оборки, ленты и туфли были отложены для торжественных выходов. Я обзавелся мягкими сапожками, удобными бриджами, свободной рубашкой и короткой курточкой. Все это было пошито из дорогих материалов и украшено вышивкой, но, по крайней мере, не стесняло движений.

Глобальный бой мне пришлось выдержать из-за парика. Носить это безобразие я не собирался. Если бы не отец, который тоже не одобрял данную моду, не думаю, что у меня что-нибудь получилось. Я резонно сказал, что у меня нет лысины, которую нужно прятать. И собственные волосы не настолько ужасны, чтобы их скрывать. Ну не хотел, не хотел я быть похожим на кудрявого барана!

Моя победа, правда, чуть было не накрылась медным тазом, когда Гюйгенс до нас все-таки доехал. Он оказался довольно красивым молодым мужчиной чуть старше тридцати, с большими голубыми глазами и аккуратно подстриженными усиками. Рыжеватые, круто завитые по последней моде локоны парика опускались до плеч, ложась на белоснежные брабантские кружева дорогого воротника. Отец выразительно на меня посмотрел. Я нахмурился, давая понять, что не отступлюсь от своего.

Как я представлял себе известного ученого? Постоянно занятым и немного самовлюбленным. И если с первым я угадал – Гюйгенс развил бурную деятельность и оставил выделенные ему огромные апартаменты книгами и механизмами,

то со вторым пролетел по полной программе. Ученый оказался очень приветливым и спокойным человеком. Никто не видел его особенно взволнованным или растерянным, торопящимся куда-то, или, наоборот, погруженным в медлительную задумчивость.

Но, что гораздо более ценно, в Христиане не было свойственной гениям нетерпимости. Те, кому легко даются какие-либо знания и умения, не могут понять, почему окружающие испытывают трудности в этой сфере. Они начинают раздражаться и бывают резки в суждениях. Немудрено, что современники оставляют воспоминания об ученых, с которыми общались, как о неуживчивых людях со сложным характером.

Гюйгенс был счастливым исключением. Он очень увлекательно и подробно объяснял свои опыты. Впрочем, может быть, все дело было в том, что на самом деле я не был глупым десятилетним мальчиком. А мое образование позволяло на должном уровне поддержать беседу о маятниковых часах со спусковым механизмом, которые Христиан изобрел всего три года назад.

Я, конечно, старался не сильно палиться, но иногда просто увлекался. На мое счастье, у Гюйгенса все-таки нашлась одна черта, свойственная всем гениям, – он был немного оторван от реальности. И знания мальчика не казались ему странными. С другой стороны... Христиан и сам с ранних лет проявлял несомненный талант, причем в различных сфе-

рах деятельности.

Пообщавшись с наставником подольше, я впал в раздумья. Мне было совершенно непонятно, почему Гюйгенс согласился на приглашение моего отца. Явно же, что он не испытывал особых проблем с деньгами, мог вращаться в самых высоких кругах и беспрепятственно заниматься научной деятельностью. Курляндия не могла дать ему ничего такого, что не дала бы Голландия.

Оказалось, что великий ученый... сбежал от брака. Точнее, от активизировавшихся многочисленных сватов. Гюйгенс был увлечен только наукой. Мог отвлечься на развлечения и друзей, но ненадолго. А уж жениться и вовсе не хотел, позиционируя себя как убежденного холостяка. Другое дело, что прекрасный слабый пол может так взять в оборот, что света белого не взвидишь. И почувствовав, как нежные женские пальчики стальной хваткой сжимаются у его горла, Христиан решил убраться подальше от озабоченной родни и слишком активных знакомых.

Разумно. Он, конечно, не избегнет дамского интереса и в Курляндии, но здесь, по крайней мере, никто не будет на него давить. Гюйгенс сможет целиком посвятить себя науке. А я с удовольствием понаблюдаю за его изысканиями. У человека, создававшего изумительные часы и совершенствовавшего телескопы, есть чему поучиться. Мне мечталось о превосходных подзорных трубах и скорострельном оружии. А также о паровом двигателе и первом автомобиле.

Мое увлечение наукой не прошло мимо внимания отца. Решив, что я чересчур погрузился в книги, он решил меня отвлечь и разрешил-таки собрать отряд из мальчишек. Для начала хотя бы человек в двадцать. И хотя этого было безнадёжно мало, спорить я не стал. Это бессмысленно. Лучше было доказать герцогу, что моя идея жизнеспособна, что я могу управлять людьми и хочу не играть, а на практике проверить то, чему меня научили.

Генрих

Когда-то дом Бернов славился своей щедростью и гостеприимством. Владевший мастерской по производству бумаги, глава семейства удачно пристроил старших дочерей, выделив им хорошее приданое. А Генриха, как единственного наследника, обучали премудростям ремесла.

Жестокая война отняла у 11-летнего мальчишки и семью, и имущество. Генрих сам уцелел чудом, поскольку гостил у дальней родни, когда шведы грабили и жгли все подряд. Родственники ему и помогли. В благодарность отцу, который многое для них сделал. К счастью, связи не были потеряны. А потому как только до дядюшки донесся слух, что герцог Кетлер подбирает детей в свиту своего наследника, тот подсуетился.

Генрих не знал, кому, сколько и каких взяток было сунуто, но он оказался-таки среди двадцати мальчишек, которым будет оказана честь быть представленными ко двору. И един-

ственное, чего никто не понимал – почему детей отбирали не из знатных и богатых родов. Правда, ответ на этот вопрос собравшиеся получили быстро.

Мальчишек отбирали вовсе не в свиту. Вот еще! Там и без них от желающих было не протолкнуться. Наследнику возжелалось поиграться в живых солдатиков. Причем он хотел набрать их и вовсе из низкого люда. Дескать, их не жалко, и они будут благодарны своему благодетелю. Однако герцог не мог пойти на такое попрание приличий. И мальчиков набрали из семей, пострадавших от войны. Тоже, в общем-то, никому не нужных, но, по крайней мере, получивших хоть какое-то воспитание.

Фридрих Кетлер

Книги про попаданцев читать вредно! Казалось бы, самый распространенный сюжет – набрать верных людей. Желательно с самого «дна», чтобы были абсолютно преданны и до глубины души благодарны. Вот только местную психологию я не учел. Кто допустит к сыну герцога всякую босоту?

Да и отец развеял мои розовые мечты сделать верных сподвижников из беспризорников. Те, кто вырос на улице, быстро взрослеют, понимают, что к чему, и к десяти годам превращаются в крыс. Злобных, агрессивных и абсолютно не поддающихся дрессировке. Исключения из правил, возможно, встречаются. Но как и где их искать – большой вопрос. Так что стоит ли рисковать? Особенно если под рукой есть

сироты, которым с детства внушили почтительность к герцогу и уважение к труду.

Насчет последнего, кстати, мальчишки сумели меня удивить. Все, абсолютно все двадцать человек владели какой-нибудь профессией. На уровне подмастерья, конечно (подай, принеси, смотри внимательно и учись), но тем не менее. Попасть ко двору герцога они не могли мечтать даже тогда, когда их семьи были благополучны, а оказавшись на пороге нищеты, тем более оценили такой подарок судьбы.

Я, разумеется, далек от мысли, что мальчишки теперь захлебнутся от благодарности. И тем более не ободряюсь, что эта благодарность будет направлена на меня. Когда вместо абстрактных мечтаний сталкиваешься с реальностью, мозги быстро встают на место. И понимаешь, что только в книгах сподвижники закрывают героя грудью только потому, что он спел им пару песен Высоцкого или накормил несколько раз.

В жизни все намного сложнее. И чтобы воспитать из этих пацанов воинов, которые будут мне верно служить, придется серьезно поднапрячься. А их верность и преданность нужно заслужить. Пока я – всего лишь сын герцога, который решил поиграться. И что говорить о других, если я сам не очень уверен, что моя авантюра с собственной армией закончится удачно. В том, что книги не всегда бывают правы, я уже убедился.

– Мыслимое ли дело, наследник герцога, а занимается рядом с босотой всякой, – ворчал Отто. К своей обязанности

присматривать за мной он относился очень серьезно. На мой взгляд, даже чересчур. Излишняя опека порой раздражала. Вот что я, одеться самостоятельно не смогу?

– Герцог должен уметь управлять страной и людьми, – возразил я. – Вот я и учусь это делать. На ком тренироваться, как не на босоте? Отец тоже начинал с малого. Сам же рассказывал, что престарелый герцог Фридрих уступил своему племяннику сперва Гольдинген и Фрауенбург, а уж затем и остальное герцогство.

– Для той босоты, что тебя сопровождает, довольно чести быть рядом с сыном герцога. Они одеты и обуты за казенный счет, и кормят их трижды в день. К чему их еще учить? Сумеют оружие в руках держать, и того довольно.

– Хочу иметь верных людей, обязанных мне всем, что они имеют, – объяснил я. – Кто знает, на что они сгодятся в будущем. Потому и учу самому необходимому. А получится ли у меня достойно управлять ими... посмотрим.

Первой проверкой на прочность стал поход. Я долго уговаривал отца взять меня с собой в инспекцию по стране, и, наконец, он согласился. Вот только герцог собирался путешествовать в карете, а меня и мальчишек ждало путешествие верхом. Мы должны были везти припасы для себя и лошадей, самостоятельно обустроить лагерь, да еще и тренироваться. Разумеется, под присмотром аж трех бывалых военных, но все равно путешествие предстояло не из легких.

Наверное, герцог ждал, что я попрошу о снисхождении.

Ну или захочу для себя привилегий. А то и вовсе откажусь от путешествия – скорее всего, отцу не слишком-то хотелось тащить с собой пацана по послевоенным дорогам страны. Однако я оказался упертым. И прекрасно понимал, что второго шанса может не представиться.

Жаль, конечно, что отряд мальчишек был «сырым», не спянным и не тренированным. Но может, оно и к лучшему. Посмотрим, насколько они смышленные и выносливые. Единственная уступка, о которой я попросил отца, – дать мне немного времени на подготовку. Пусть ответственными за нас были взрослые люди, но формально я считался главой отряда. И именно мне предстояло в дальнейшем им командовать. Так почему не начать учиться собираться в поход прямо сейчас, раз уж подвернулся такой случай?

Разумеется, кураторы проследят, чтобы я ничего не забыл и не перепутал, но мне пора было становиться самостоятельным. Ну а заодно и самому проверить, чего я стою. Усвоил ли я уроки своих наставников. Кстати, и первую прогрессорскую вещь можно в этот мир притащить. Думается мне, что полевую кухню все оценят. Все равно обоз будет двигаться со скоростью телег, сопровождающих герцога в его походе, так что кухня нас не задержит.

Еще одним предметом, требующим срочного изготовления, стало полковое знамя. Личный стяг наследника. У Курляндии было несколько вариантов флагов – и обычный, и морской, и для колоний, но я не хотел использовать ни один

из них (хотя черный краб на красном фоне мне нравился). Я пока еще не герцог, так что лучше мне иметь собственный знак отличия.

Думать над изображением я долго не стал – знаменитые щит и меч, признаки иной эпохи, показались мне достойным выбором. Красный фон, белый щит и черный меч. Государственные цвета Курляндии и мой личный символ. Герцогу, кстати, понравилась моя придумка, и он издал указ, дающий ей официальный статус.

Куда сложнее обстояли дела с подготовкой пацанов. В первую очередь, им всем необходима была униформа. Ну а поскольку мне совершенно не нравились длиннополые камзолы и парики, то фасон пришлось придумывать самому. Портные, правда, запросили кучу времени на исполнение заказа, и я решил не гнать лошадей. Для начала перешьем на пацанов имеющиеся мундиры. А потом, по возвращении из похода, можно будет приступить к изготовлению нужного варианта.

Ну а пока шли приготовления, пацанов учили правильно ездить верхом и ухаживать за лошадьми. Кое-кто уже умел это делать, а кто-то впервые сел в седло. Им будет сложнее всего. Выдержать верхом дневной переход – нелегкое дело, особенно с непривычки. Единственная надежда на то, что отцовский обоз будет ехать не слишком быстро. Герцог, даже если он путешествует по делам, не может обходиться совсем без свиты. А это значило, что с собой нужно было брать

изрядное количество припасов. В разоренной войной стране могло просто не найтись достаточного количества еды.

Что скрывать? Отправляясь с отцом в путь, я рассчитывал немного отдохнуть от уроков. Однако у герцога было свое мнение на этот счет. И двое учителей присоединились к нашей процессии. Действительно, ведь верховая поездка не могла помешать беседам о дипломатическом этикете и лекциям о мировой политике. И потренироваться в языках можно было. А также послушать множество интересных историй о прошлых сражениях. Последние, правда, звучали в основном на привале, поскольку сопровождались небольшой наглядной демонстрацией. Глядя на камешки и веточки, обозначающие различные рода войск, я поневоле вспоминал фильм про Чапаева.

Двигались мы, к счастью, не слишком быстро, с постоянными остановками. Полевая кухня была испробована и произвела фурор. Даже герцог как-то присоединился попробовать «солдатской еды». Хотя учитывая, что питался я вместе с ребятами, кормили нас нормально. Откровенного гнилья сыну герцога подсовывать не решались. Ну а нормальная еда давала нам сил не только на долгие переходы, но и на тренировки.

Шпагой пацаны не владели от слова «совсем», так что пока дело ограничивалось работой над телом – подтягивания, отжимания и прочие радости жизни. Ну и руки тренировали. Нам всем выдали длинные штыри из дрянного железа, но до-

статочно тяжелые. И хотя я во владении шпагой продвинулся вперед, повторял заученные движения вместе с остальными. Стойки, выпады, повороты... лишним по-любому не будет.

Пацанов, кстати, гоняли жестче, чем меня. Видимо потому, что правители не так часто оказываются в гуще битвы. Это несколько веков назад князья и ярлы вели дружины в бой, показывая личную доблесть и мужество. В XVII веке короли предпочитают наблюдать за битвой с удобного возвышения, чтобы контролировать ход сражения и своевременно послать подкрепление туда, где оно требуется.

Личной храбрости это не отменяет, но понятно, что профессионального бойца из современного правителя никто делать не будет. А вот окружающие его воины должны идеально владеть оружием. И суметь защитить своего сюзерена в случае опасности. Это считалось чем-то само собой разумеющимся, а потому мое желание тренироваться наравне с остальными мальчишками воспринималась как небольшое чудачество, которое вскоре мне надоест.

Мне не надоедало. Каждый раз, покидая седло, мы устраивали себе разминки. А иногда и пробежки. Правда, надолго пацанов не хватало – дыхалка у большинства была еще слабая. Ну а я старался не свирепствовать. Моей задачей на данный момент было вовсе не сделать из мальчишек великих воинов (за один поход это все равно не получится), а сблизиться с ними, научиться ими командовать и приучить их к военной дисциплине.

Скорее всего, герцог думал о том же самом, когда решил взять нас с собой. Мой отец – на редкость рациональный человек. И если можно из одного поступка извлечь сразу несколько выгод, он именно это и сделает. Проверить мою решимость и настойчивость, узнать, годны ли набранные мальчишки, и погонять нас, чтобы мы притерлись и воспринимали друг друга как собратьев по оружию.

Совместно разделенные трудности и пища, которую ели из одного котла, может сблизить лучше всяких специальных ухищрений. Я привыкну отвечать за подчиненных и заботиться о них, пацаны привыкнут подчиняться и воспринимать меня как командира, и мы все вместе получим бесценный опыт взаимодействия в походе. Не когда необученным мясом затыкают бреши в обороне, а когда опытные наставники ведут за собой молодежь. Давая достаточно свободы для принятия самостоятельных решений и контролируя, чтобы подопечных не занесло куда-нибудь не туда.

Однако ни тренировки, ни лекции, ни сам поход не могли отвлечь меня от главного – наблюдения за тем, как герцог ведет дела. И промышленный потенциал Курляндии меня впечатлил. В стране были токарные, лесопильные и множество других мастерских, а кузницы встречались чуть не на каждом шагу. Курляндия изготавливала бумагу, стекло, конопляные канаты, льняные паруса, гвозди, крюки и другие подобные материалы. Якоб наладил производство по изготовлению оружейных стволов, ядер, гранат, стволов мушкетов,

сабель, пороха.

Страна чеканила золотые монеты высокого качества, производила свой кирпич, известь, сукно, льняное полотно, бочки (тара номер один в мире, в которой перевозили всё – от вина до пороха) и даже водку с пивом. В Курляндии умели прекрасно обрабатывать кожу, делали мыло и создавали предметы роскоши – ковры, гобелены и украшения. Европа, кстати, все это охотно приобретала. Сама же Курляндия ввозила лишь соль, сельдь, дорогие ткани и пряности.

Большая литейная мастерская для производства артиллерийских стволов появилась в стране еще в прошлом веке. Герцогу принадлежали несколько заводов по производству металла, находящихся в Норвегии. Хорошо организованная продукция курляндских верфей шла на экспорт в Англию, Францию, Испанию, Голландию и даже Венецию. Ну как, как герцог сумел все это организовать? Маленькая страна, ничем не выдающаяся, но один гениальный правитель – и такой качественный рывок вперед.

Ведь можно же, можно делать подобное, не ломая через хребет! Нашему Пете Первому поучиться бы у Якоба Кетлера вести дела. Но Петруша встретился с его сыном, который кроме как блистать, ничего не умел. А растратить деньги куда проще, чем их заработать. Я, например, смотрел на количество дел, с которым управлялся отец, и тихо фигел. Не факт, что я буду способен на подобное. Похоже, нужно заранее подбирать помощников. Блин, может, Якоб Кетлер тоже

попаданец? Причем с ноутбуком и стадом роялей в кустах?

Осень стояла на удивление теплая и сухая, дороги не развезло, так что мы путешествовали с относительным комфортом. Посетили верфи, несколько мельниц, мануфактуры и даже заскочили в столицу. Митава выглядела жалко. Шведы уделили ей особое внимание, и после их нашествия остались буквально руины. Герцог, глядя на это безобразие, расстроился донельзя. И посетовал, как сложно будет восстановить столицу в прежнем блеске.

Стоп, стоп, стоп! А зачем восстанавливать? Лучше отстроить заново, создав самый современный и удобный город. Кардинально изменить планировку, утвердить внешний вид домов и разбить скверы и парки.

Насколько я знал, лет через двадцать герцог, наконец, решит искать защиты у России. И предложит Алексею Михайловичу установить новые дипломатические и совсем новые торговые отношения. В планах Якоба было направить российский транзит через Латгалию на Бауску и далее в Виндаву и Лиепаяу, минуя, таким образом, шведские владения и Ригу. А еще неумный герцог хотел построить 15-километровый судоходный канал, который соединил бы Даугаву (возле Яунелгавы) с Лиелупе, с тем, чтобы русские корабли с товаром приплывали прямо в Митаву, минуя все ту же шведскую Ригу. В реальной истории смерть Якоба поставила крест на всех этих планах. Так почему бы не начать воплощать их раньше?

Почему бы не превратить Митаву в приморский город, подобно Брюгге и Генту?

Отец завис, пытаюсь переварить мою идею. Видимо, о таком глобальном повороте в сторону России он пока не задумывался. Но мысль была признана интересной. В любом случае не помешает увеличить торговый оборот. А Россия – страна большая, и может многое предложить. Идеально было бы иметь с ней общую границу, но до этого пока было далеко. Речь Посполитая была серьезным игроком на мировой арене. И для того, чтобы ввязаться с ней в очередную войну, России нужен был серьезный повод.

Между прочим, герцог сражался против русских в одной из таких войн (в 1634 году). Привел 700 человек к Смоленску. Однако все это не помешало ему в дальнейшем торговать с Россией. Он точно попаданец! Потому что, несмотря на эпоху меркантилизма, ни один правитель больше не отличался таким рационализмом и здоровой наглостью. И не создавал в своей стране подобного долговременного «экономического чуда».

А как он подрасчитал с колониями? Я, например, всегда гадал – почему Якоб остановил свой выбор именно на Тобаго? Оказывается, все дело было в товаре, который герцог собирался возить с ранее захваченного острова Андрея. В живом чернокожем товаре, который считался скоропортящимся. Оказывается, герцог разбирался не только в управлении страной, но и в гидрометеорологии.

Дело в том, что в Атлантике ветра и течения движутся по часовой стрелке, как бы скользя вдоль Африканского и Американских материков. Дельта реки Гамбии и остров Тобаго находятся на одной широте, и вдоль этой широты с востока на запад всегда дует попутный ветер, к тому же от Африки к Америке устремляется еще и Южное пассатное течение. Все это делало путь кораблей со скоропортящимся товаром очень быстрым.

На Тобаго часть рабов перепродавалась, часть направлялась на плантации табака, кофе и сахарного тростника. Кроме этого дорогого товара, корабли Якоба прихватывали еще более дорогие пряности и устремлялись на север, и подхваченные попутными ветрами и течениями, влетали прямо в Ла-Манш. Словом, герцог все продумал. И не его вина, что в конечном счете колонизация закончилась неудачей.

У Курляндии просто не было достаточно людей и возможностей, чтобы удержать захваченное. И голландская колония на том же Тобаго вскоре уже втрое превосходила курляндскую по численности. Не говоря уж о торговых возможностях. Да и не везло Якобу с этой колонией, хоть ты тресни. Первый же завоз колонистов был практически полностью уничтожен тропической лихорадкой. Ну а теперь, после войны, несмотря на то что Тобаго вернули Якобу по Оливскому миру, герцог, похоже, готов был опустить руки. Тут страну бы восстановить, не до колоний.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.